

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

К. В. Хвостова. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М.: Наука, 1980. 206 с.

Новая монография К. В. Хвостовой — весьма необычное явление не только в советском византиноведении, но и в советской медиевистике вообще. Византинист-аграрник, известный своими работами по аграрно-правовым отношениям в поздней Византии, основанным на традиционном, качественном анализе материала источников, обращается к принципиально новой методике научного поиска, стремясь расширить арсенал познавательных средств.

Новый труд Хвостовой является византиноведческим лишь в той мере, в какой автор обосновывает разрабатываемую им методику изучения социально-экономических феноменов средневековья по преимуществу на византийском актовом материале (привлекаемые автором данные английских источников имеют второстепенное значение).

В целом это прежде всего теоретическая работа о методике применения математических приемов в исторических исследованиях, посвященных социально-экономической проблематике. Автор ставит задачу выяснить возможности и главное познавательное значение количественного анализа в средневековой хозяйственной и социальной истории.

Естественно, в данной рецензии, не считая себя достаточно компетентным в столь специфической сфере, я останавливаю внимание отнюдь не на всех аспектах, затронутых в монографии.

Книга состоит из введения (постановка проблемы — с. 3—11), пяти глав и заключения. Первая глава («Основные теоретические проблемы современной количественной истории» — с. 12—14) содержит критический очерк современного состояния развития математических методов изучения в области общественных наук. Характеризуя современную западную так называемую количественную историю, автор отмечает связь воззрений историков этого направления с философией постпозитивизма, что, в частности, выражается в признании представителями «количественной истории» правомерности и значения широких исторических обобщений и теоретических концепций. Хвостова отмечает, однако, слишком абстрактный подход зарубежных представителей количественной истории к проблеме квантификации. Американские и французские ученые, говоря об об-

щих методологических принципах теоретических построений в истории, оставляют без внимания конкретные пути формализации этих построений. При этом большая часть исследований посвящена, с одной стороны, возможностям количественного анализа в новой и новейшей истории, а с другой — использованию статистических методов при рассмотрении конкретных проблем средневековья. Однако что касается медиевистики, то до сих пор полностью отсутствуют специальные работы, в которых осуществлялась бы формализация теоретических построений, характеризующих закономерности социально-экономического развития. Этот пробел и стремится восполнить Хвостова своей монографией.

Во второй главе («Возможности, пути и роль формализации теоретических концепций, относящихся к средневековым социально-экономическим закономерностям» — с. 42—119) автору удалось показать, что математизация вполне обоснованных на качественном уровне исследования утверждений, представляющих простейшими, открывает путь не только к объективизации наших знаний, но и к их углублению. К таким тривиальным на первый взгляд утверждениям, характеризующим самые общие проявления региональных социально-экономических закономерностей и подлежащих математизации (записи в виде дифференциальных уравнений), принадлежит, например, положение о том, что в Византии более бедные феодально-зависимые держатели эксплуатировались сравнительно сильнее, чем более зажиточные (с. 47).

Значительная часть второй главы посвящена выработке коэффициента расчленения феодально-зависимых крестьян, определяемого как разность между показателями степеней богатства и бедности. Показатели же эти устанавливаются с помощью дифференциальных уравнений, в основу которых берутся следующие элементарные положения: «некоторое увеличение степени бедности прямо пропорционально некоторому уменьшению размеров надела и степени бедности в данный момент времени» (с. 71) и соответственно: «некоторое увеличение степени богатства прямо пропорционально некоторому увеличению надела и обратно пропорционально степени богатства в изучаемый момент времени» (с. 75).

Последовательное применение коэффициента расслоения позволяет получать численные характеристики изменений глубины расслоения при любых переменных величинах надела, в разных регионах, в разные периоды, расширяя тем самым рамки сравнительного исследования, обеспечивая возможность сделать выводы, «которые не возникают при качественном анализе материалов источников» (с. 84).

Далее Хвостова переходит к конкретному изучению проблемы расслоения поздневизантийских крестьян с применением выработанного ею показателя расслоения. Предварительно, в общей характеристике положения крестьян, она утверждает, что колебания налоговой ставки (телоса) могут быть признаны в качестве показателей степени бедности и богатства, поскольку в XIII—XIV вв. расслоение определялось уже не размерами держаний на парическом праве. «Расслоение, связанное с держанием на парическом праве, — пишет автор, — не совпадало по степени интенсивности с социально-экономическим, проявляющимся в уплате телоса». Держания париков перестали быть основным источником дохода зависимого крестьянства — наделы стали мелкими, а порой и вовсе отсутствовали: колебания в ставке телоса зависели уже не от них, а от размеров иных источников дохода каждой семьи (аренда чужой земли, владение скотом, пасекой, занятие ремеслом и т. п.) (с. 101).

На основе данных недавно критически изданных актов Лавры XIII—XIV вв. автор рассчитывает коэффициент расслоения, сведя выводы в две таблицы: в одной заключены коэффициенты расслоения, связанные с держанием на парическом праве, в другой — связанные с уплатой телоса. Сравнение показывает, что по всем учтенным деревням расслоение, рассчитываемое на основе колебаний телоса, было умеренным (коэффициент=0,3—0,5), причем даже сильно различавшиеся по своей экономической структуре деревни мало отличались по интенсивности расслоения. Напротив, расслоение, связанное с парическими держаниями, было значительно большим, но оно, как уже подчеркивал автор, не отражало истинную структуру социально-экономического расслоения. Таким образом, подсчеты коэффициентов позволили автору выявить сравнительную структуру расслоения, установить близость его степени в различных учтенных деревнях и тем самым углубить исследование проблемы имущественной дифференциации среди поздневизантийского крестьянства.

В заключение главы ставится вопрос о выявлении скрытых (латентных) особенностей византийского налогообложения. Известно, что в XI в., помимо поземельной подати, крестьяне платили подворную (капникон), которая не зависела от размеров имущества и была равной для всех (0,5 номисмы). Автор стремится выяснить, остался ли капникон инвариантным и в XIV в., когда состав сово-

купной подати каждой крестьянской семьи не указывался в налоговых описях. Установить размеры отдельных частей телоса при таких условиях можно, как утверждает автор, лишь с помощью моделирования, используя дифференциальные уравнения. Результаты их решения показали, что все крестьяне, за исключением наиболее зажиточных (число которых было невелико), по-прежнему платили капникон одинакового для всех размера, но он был равен теперь не 0,5, а $\frac{1}{6}$ номисмы. Условно эту подать Хвостова обозначает как «собственно капникон». Только у полностью неимущих капникон выступает в документах в явном виде, поскольку весь их телос сводился к капникону. Телос же других неимущих крестьян состоял из капникона и надбавки к нему, размеры которой определялись в зависимости от неземледельческих доходов крестьянской семьи. Общую величину собственно капникона и надбавки (ее размеры автор выявляет с помощью регрессионного анализа) Хвостова обозначает условно как «капникон в широком смысле».

Таким образом, как устанавливает автор, в XIV в. капникон (в широком смысле) приобрел сложную структуру. Поскольку отношение собственно капникона к общей сумме телоса (показатель роли внеэкономического фактора) уменьшалось вместе с ростом имущественного благосостояния, Хвостова считает возможным говорить о скрытой тенденции к усилению эксплуатации беднейших слоев крестьянства и к изменению старых принципов налоговой системы (с. 108, 112).

При моделировании автор исходит из данных о том, что многие крестьяне, владевшие землей в размере 40 модиев и более, не подвергались взысканию капникона (есть свидетельства и о том, что наиболее зажиточные не платили также подати за рабочую упряжку и за владение другим скотом). В условиях усилившегося расслоения, резюмирует автор, правительство не могло более основываться на уравнительном поимущественном обложении, так как средний слой почти исчез. Оно обложило обедневшее крестьянство, помимо собственно капникона, налогом с не учитывавшихся ранее источников дохода. Правительство, таким образом, избирает сравнительно с X—XI вв. прямо противоположный путь. «Ранее оно пыталось защитить средний слой от разорения, теперь оно содействует его разорению» (с. 119).

Третья глава («Особенности византийского налогообложения как иллюстрация применения регрессионного анализа для обнаружения латентных закономерностей» — с. 120—148) посвящена проблеме выделения в совокупном телосе его составных частей и рассмотрению некоторых особенностей византийского налогообложения.

Византийские описи (практики) при перечне основных видов имущества каждой семьи не указывают, как упоминалось, сколько взималось с каждого

вида имущества. Возникает задача определить нормы обложения отдельных податных объектов (земля, виноградник, скот, дом как объект обложения капниконном), что, как доказывает автор, возможно лишь с помощью регрессионного анализа.

Французский исследователь Ж. Лефор, отмечая приоритет Хвостовой в осуществлении метода регрессионного анализа¹, пытался выявить нормы обложения отдельных податных объектов с помощью того же метода шестью годами позже, применив, однако, математическую модель иного типа. Он отрицает справедливость положения об уплате капникона имущими крестьянами. Хвостова в своей новой книге более детально развивает свой метод. Она опровергает (и, на наш взгляд, справедливо) тезис Лефора, что принципы обложения имущих и неимущих были в корне различны и что при обложении имущих исходили лишь из размеров их имущества, не облагая их налогом с неземледельческих источников дохода (капниконном). Хвостова показала, что и с имущих и с неимущих (кроме особо зажиточных) взимался капникон. При этом для совершенно неимущих размеры надбавки за неземледельческие доходы можно выявить простейшим путем — вычитанием из совокупного платежа $\frac{1}{6}$ номисмы собственно капникона, а для имущих величина надбавки остается скрытой — она «спрятана» в общей сумме телоса с разных видов имущества и дохода. Иными словами, в отличие от Лефора автор подчеркивает внеэкономический фактор как важнейшее условие функционирования феодальной системы эпохи массового разорения крестьянства, когда исчезла корреляционная зависимость между владением земельным наделом и тяглым скотом и в огромной степени возросла роль аренды не на парическом праве (с. 121—128). Центр тяжести обложения переносился на арендованные земли и на неземледельческие источники доходов парической семьи.

С помощью уравнений регрессии автору удалось «расщепить» телос, выделив из него поземельную подать и надбавку и показав вместе с тем, что обложению подлежал в это время и тяглый и нетяглый скот.

Четвертая глава носит название «Познавательное значение и ограниченные возможности использования статистических характеристик при анализе социально-экономических явлений средневековой эпохи» (с. 149—165). Здесь рассмотрены по преимуществу вопросы репрезентативности выборки данных для математической обработки.

Пятая, последняя глава («Прочие возможности количественного подхода в средневековой социально-экономической истории» — с. 165—195) посвящена раз-

работке типологии исторических моделей, точнее говоря, методике моделирования с разных позиций, в зависимости от конкретных условий и целей исследования. «Следует еще раз подчеркнуть, — напоминает Хвостова, — что основная цель данной работы состоит не в получении конкретных результатов, не в решении конкретной исследовательской задачи, а в обосновании методики квантификации» (с. 167).

Заключение (с. 196—202) содержит лишь самые общие выводы автора.

Уже упоминалось, что К. В. Хвостова — исследователь, хорошо зарекомендовавший себя и в сфере традиционного, качественного анализа византийской аграрной и налоговой системы, и в области применения математических методов к социально-экономическим феноменам средневековья. После прочтения работы представляется совершенно убедительным заявление автора, что квантификация в медиевистике может быть успешной только при условии, если исследователь соединяет в одном лице и качества историка, и вполне определенные познания в математике (с. 196). Хвостова и является исследователем такого типа.

Именно поэтому предубеждение, обычно свойственное приверженцам испытанной методики (и мне в том числе) при знакомстве с работами, подобными рецензируемой монографии, в данном случае вряд ли уместно вообще. Автор строг и логичен в развиваемых им положениях. Она отчетливо сознает достоинства и недостатки предлагаемой методики. Характерно заявление Хвостовой на с. 51: «В целом... возникает своего рода заколдованный круг: с одной стороны, именно ввиду отсутствия сведений источников моделирование могло бы иметь познавательную значимость (ведь если бы данные имелись, незачем было бы обращаться к моделированию), а с другой стороны, отсутствие сведений источников обуславливает гипотетичность моделирования». Пути выхода из этого порочного круга и намечает новое исследование К. В. Хвостовой.

Например, с помощью моделирования латентных явлений, т. е. не содержащейся в источниках исторической информации, автор на основе применения дифференциальных уравнений устанавливает не зафиксированную в источниках в совокупном телосе долю так называемого «собственно капникона», оказавшуюся равной $\frac{1}{6}$ номисмы. Необходимо, однако, хотя бы косвенная проверка результатов расчетов. И действительно, в документах зафиксирован налог с полностью неимущих париков, равный $\frac{1}{6}$ номисмы, который и интерпретируется автором как собственно капникон. Совпадение этих величин — косвенный аргумент в пользу адекватности моделирования реальным отношениям.

Итак, количественный подход к проблеме византийских аграрных отношений позволил автору углубить анализ вопросов расслоения париков, расщепив телос и выделив его составные части. Получен-

¹ Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М.: Наука, 1968, с. 116—142.

ную новую информацию автор использовал как аргумент для обоснования своих общих представлений о специфике социально-экономической структуры поздней Византии. Эта специфика, по мнению автора, состояла, в частности, в том, что в позднее время основную роль в крестьянском землепользовании играли различные формы аренды земли частных земельных собственников, тогда как держания на парическом праве или исчезли полностью, или имели несущественное значение.

Расчеты коэффициентов расслоения (связанных с уплатой телоса) показали его умеренный характер. Это означает, согласно интерпретации автора, что, несмотря на почти полное исчезновение слоя держателей нормального надела, в условиях перестройки системы землепользования продолжал доминировать слой крестьян средней зажиточности. Однако эта зажиточность обеспечивалась уже не держанием на парическом праве, а арендой чужой земли и обладанием упрямкой.

Собственно каппикон, полученный автором в результате расщепления телоса, и надбавка к нему, взимаемая за неземледельческие доходы, а также за доходы с арендованных земель, объясняются автором как явления, свидетельствующие о перемещении центра тяжести налогового обложения с держания на арендованную землю и упрямку, которая теперь у большинства париков выступает также как самостоятельный объект обложения.

Наши замечания не касаются основных проблем, рассматриваемых К. В. Хвостовой в ее монографии (разработка методики подхода к социально-экономическим феноменам средневековья). Я останавлиюсь лишь на отдельных положениях автора относительно специфики византийского аграрного строя вообще, т. е. на ряде тезисов автора, которые он развивал на качественном уровне и лишь подкрепил новыми соображениями в данной книге.

Прежде всего о развитии аренды париков земли частных юридических лиц не на парическом праве (феодальный характер этого права автор ставит под сомнение) как о широком, а потому и принципиально новом явлении в поздней Византии, обусловившем формирование феодальных отношений, сходных с их западным, т. е. классическим, типом.

Признавая это заключение логичным и вполне правдоподобным, я считаю его все-таки гипотетическим: необходимо строгое и детальное обоснование коренных отличий этой аренды от парического держания. К сожалению, мы очень мало знаем о сущности «парического права» как раз в той его части, которая касается не прав парика, а прав на него его господина. Если права господина на парика не превосходили значительно прав казны на свободного общинника, то я не вижу никакой возможности — до распространения иммунитетных привилегий на большинство имений крупных собственников (что само по себе сомнительно) — опре-

делить разницу между париками и свободными общинниками, не усматривая вообще путей понимания той ожесточенной борьбы, которая шла за париков в X—XI вв. между государством и динамитами и в среде самих динамитов. Решение вопроса я вижу в признании гипотезы, что парические держания возникли из не регулируемой и не защищенной гражданским законодательством аренды.

Придавая — и вполне справедливо — большое значение развитию в XIII—XIV вв. аренды безземельными париками чужой земли, автор аргументирует ее отличие от парического держания главным образом тем фактом, что в X—XI вв. пакт (арендная плата) причислялся к ридзе (общей сумме налогов, взимаемых с деревни или иного податного единства), а в поздней Византии пакт не включался в ридзу. Иначе говоря, ранее парик — арендатор частнособственнической земли не выпадал из сферы государственного регулирования его обязательств, а в XIII—XIV вв. был исключен из этой сферы (с. 94—96). Таким образом, отношения парика с хозяином арендованной земли, по мысли автора, переместились из области публичноправовых отношений в частнопрововую сферу. В связи с этим автор усматривает в развитии парической аренды (Хвостова называет ее «несвободной») расширение и укрупнение чисто феодального (сходного с западным) типа поземельных отношений.

Но, во-первых, ссылка на налоговые трактаты X—XI вв., согласно которым пакт причислялся к ридзе, в данном случае не аргумент. Эти трактаты не оставляют сомнения в том, что в них идет речь не об аренде париков, а об аренде независимых от частных лиц свободных крестьян — налогоплательщиков казны; пакт, который там упоминается, — это арендная плата не за частнособственническую, а за государственную (пустую) землю. Пакт именно потому и причислялся к ридзе, что получателем и его и канона (телоса-налога) была в данном налоговом единстве казна, выступающая и как собственник сдаваемой в аренду земли, и как сборщик податей с крестьянской земельной собственности.

Именно поэтому, во-вторых, только половина пакта присчитывалась к совокупному телосу с деревни (вторая половина включалась в «параколуфемата»), так как ставка пакта вдвое превышала ставку телоса и причисление ее целиком к канону грозило превышением общей нормы телоса со всех общинников — мелких землевладельцев при раскладке между ними суммы совокупного канона.

Мне неизвестно ни единого случая причисления к ридзе частного пакта париков (а не свободных налогоплательщиков) за арендуемую землю для X—XI вв., точно так же, как не называет (считая это новым явлением) Хвостова таких случаев и для XIII—XIV вв. При аренде париками земли пакт не причислялся к ридзе, так как его взимал собственник земли и так как он сам платил в казну

поземельную подать за свою землю, в том числе и за сданную в аренду.

Иными словами, мне представляется, что аренду частнособственнической земли на основе договора сторон можно трактовать как находящуюся юридически в сфере частного права для X в. так же, как и для XIV в. Эта аренда, «хотя и регламентированная, говоря словами автора, римскими правовыми нормами, но отражающими сугубо частноправовые отношения, не связанные с государственным тяглом» (с. 191), конечно же, могла вести и вела к феодальной зависимости. Однако в принципе, на мой взгляд, здесь не произошло кардинальных изменений в юридической стороне дела сравнительно с XI в.: и в это столетие аренда частнособственнической земли с государственным тяглом (ридзой) связана не была. Связанным с ним было именно держание парика, но лишь той (меньшей) суммой его обязательств, которая выражалась в уплате телоса.

Я бы, напротив, сохранил за термином «парическое держание», а не за этой арендой определение «несвободная», так как аренда обычно все-таки регламентировалась гражданским законодательством, а договор о получении держания на парическом праве не подлежал никакому юридическому оформлению (все решала воля господина). Государство лишь запрящало сгон париков с земли, если они (и их потомки) обрабатывали ее непрерывно, выполняя свои обязательства перед господином, в течение 30 лет. Если даже за аренду государственной земли (без всякого вспомоществования от казны в организации хозяйства) крестьянин платил вдвое больше, чем он вносил в казну за участок такого же размера и качества своей собственной земли (аренда — 1 номисма за 10 модиев, телос же — 1 номисма с 25 модиев), есть основания думать, что частный собственник, даже не обладавший экскусией, предоставлял безземельному парцеллу на парическом праве, нередко помогая ему инвентарем, скотом, семенами, на менее выгодных для себя условиях.

Известное противоречие я усматриваю между двумя тезисами исследовательницы: с одной стороны, утверждается, что аренда частнособственнической земли безземельными вела к развитию отношений, которые приближались к феодальным (с. 94—96, 128—129, 190—192); с другой стороны, по мысли автора, в XIII—XIV вв. в имениях крупных собственников-имунистов арендаторы и после 30-летнего срока «по-прежнему рассматривались как арендаторы, а не держатели надела на парическом праве и по-прежнему не подлежали налогообложению. Налог за соответствующие земли платил собственник земли». Доказывается это положение ссылкой на описи владений Ивирона, сделанные через промежуток, превосходящие 30 лет, в которых (описях) одни и те же участки числятся, несмотря на это, по-прежнему в аренде на условиях уплаты пакта (с. 95 и прим. 48).

Не исключено, однако, иное понимание данных упомянутого источника: сведения о том, что землевладельцы нередко предпочитали выгодную аренду сдаче земли в держания на парическом праве, неоднократно и для X—XII вв. В таких случаях они заключали арендных договор на 29 лет, возобновляя его по истечении этого срока на следующие годы. Так, одни и те же участки даже у представителей одной и той же семьи действительно оставались в аренде, не переходя в держания, но не потому, что перестал действовать закон о 30-летнем сроке.

Еще недостаточно выясненная сущность византийской парикии, ее генетических взаимосвязей (если они имелись) с позднеримским колонатом и ее отличий от колоната, ее места в системе аграрно-правовых отношений в Византии X—XIV вв. заставила автора выдвинуть вновь некогда усиленно дебатировавшуюся дилемму: с IV в. или с гораздо более позднего времени следует вести отсчет феодальных отношений в Византийской империи. Но если ранее в советской историографии спорящие стороны колебались в выборе между IV и XI вв., то автор монографии значительно раздвигает хронологические рамки возможного решения данной дилеммы: IV или XIV в. (с. 191).

В сущности говоря, сомнения Хвостовой в признании феодального характера парикии X—XI вв. покоятся на двух соображениях: 1) на факте близости парикии к колонату; 2) на факте несения париком — и это главное — государственного тягла. Действительно, если расценивать уплату телоса париками как свидетельство их пребывания в сфере публичноправовых отношений и трактовать это обстоятельство как главную черту парикии, имевшую доминирующее значение в жизни частного поместья, можно было бы согласиться с гипотезой К. В. Хвостовой.

Я, однако, более склоняюсь к другой гипотезе, согласно которой в поисках сути парикии акцент следует делать не на связи парика с казначейством, а на его отношениях с господином, ибо в общей сумме повинностей парика доминировал не телос, а взносы парика в пользу господина, взимаемые в силу частноправовых отношений крестьянина с собственником земли.

Вмешательство государственной власти в жизнь частного имения (обложение телосом париков прежде всего) составляло, безусловно, яркую специфическую черту аграрноправового порядка в Византии, но степень этого вмешательства я не считаю столь всеобъемлющей, чтобы можно было отказаться от квалификации этого строя в X—XII вв. как феодального.

Автор подчеркивает крупные перемены в следующие два столетия: он показывает, что как раз та часть обязательств поздневизантийского парика, которые он выполнял за свое держание в пользу господина, обнаруживала тенденцию к исчезновению — держания на парическом

праве сходили с аренды. На смену им пришла аренда, не влекущая уплаты телоса в казну. Связь обрабатываемой крестьянином земли с государственным регулированием (публичноправовая сфера), таким образом, распалась — крестьянин оказался в несравненно большей зависимости от частноправового регулирования.

Однако, во-первых, мы очень мало осведомлены об условиях аренды этого времени (она оставлена в практиках «за кадром»). Во-вторых, потерявший свое держание парик—арендатор чужой земли по-прежнему в XIII—XIV вв. платил телос в казну со своей стаси (двора), расположенной на земле своего постоянного хозяина; причем этот телос, как убедительно доказала Хвостова, свидетельствует о росте прав казны на частновладельческих париках, включив в себя взыскания с неземледельческих доходов крестьянина и таких видов имущества, которые в X—XI вв. не подлежали обложению. В-третьих, поземельную подать в казну с отданной в аренду земли по-прежнему платил ее собственник (если арендный договор не обязывал к этому самого крестьянина-арендатора).

И все-таки крайне важно, что автор сконцентрировал внимание на исчезновении в XIII—XIV вв. парических держаний старого типа и на широком развитии

аренды. Тот факт, что поземельная подать с господской не экзимирированной земли, не поделенной на стаси, в том числе с отданной парикам в аренду, взымалась по гораздо менее высоким ставкам, чем с парических держаний, заставляет вместе с автором задуматься над последствиями этого явления для аграрного строя поздней Византии.

Я отметил лишь наиболее важные, по моему мнению, пункты, по которым иначе смотрю на вещи, ибо отправляюсь от другой гипотезы, чем автор рецензируемой книги. Спорные вопросы, как видно, еще далеки от их удовлетворительного решения. Монография К. В. Хвостовой побуждает вновь, под новым углом зрения, пересмотреть и уточнить некоторые установившиеся положения. Дискуссия, следовательно, должна быть продолжена, но не в рамках рецензии, подобной этой.

Безусловным недостатком работы я считаю отсутствие списка библиографии, который ни в коей мере не восполняется постраничными ссылками.

В целом новая книга К. В. Хвостовой представляется мне чрезвычайно интересным, поистине новаторским исследованием, открывающим дополнительные возможности для углубления наших познаний в области социально-экономической истории средневековья.

Г. Г. Литаврин

«Средневековый город» и проблемы византийского города

Вышли в свет четыре выпуска проблемно-тематического межвузовского сборника «Средневековый город»¹. Эти выпуски позволяют судить о плодотворности усилий по координации научных сил ученых университетов и вузов для разработки крупных проблемных тем исторической науки путем издания межвузовских проблемно-тематических сборников. Сборники «Средневековый город», родившиеся из выпуска работ сотрудников Саратовского университета, быстро превратились в своего рода периодическое тематическое издание, объединившее силы урбанистов университетов, педагогических институтов, сотрудников академических учреждений вокруг разработки проблем средневекового города. Сборники уже приобрели заслуженную известность как в СССР, так и за рубежом именно потому, что на их страницах рассматриваются и важнейшие теоретические проблемы истории средневекового города, и конкретные вопросы различных этапов его развития, и типологическое своеобразие в разных регионах. Сборники охватывают широкий круг вопросов — от экономики до идеологии и культуры. В них публикуются отчеты о конференциях по истории города, тематические обзоры советских и зарубежных работ, рецензии.

Сборники привлекают к себе внимание известной «всеобщностью» охвата проблем

истории европейского города. С этой точки зрения они представляют значительный интерес и для византинистов. В частности, такого рода работой является общетеоретическая статья С. М. Стама о средневековом городе, вызвавшая отклики медиевистов-урбанистов². Внимание византинистов, несомненно, привлекает и серия статей М. Е. Карпачевой (вып. 2—4), в которых рассматриваются судьбы античного города в эпоху раннего средневековья. С точки зрения дискуссий о континуитете в развитии византийского города в них содержится ряд интересных наблюдений относительно формальных и качественных элементов и черт преемственности. Небезынтересны в плане уяснения типологических отличий византийского города и «уровней» развития в XI—XII вв. статьи, в которых исследуется внутреннее развитие западноевропейского города к XIII в., статьи о патрициате. Известный материал для сопоставлений дают и работы по славянскому городу.

Ряд статей в сборниках посвящен проблемам византийского города. Как и остальные, они касаются «жгучих», дискуссионных проблем истории города и поэтому вряд ли случайно относятся к «крайним» эпохам византийской истории — ранне- и поздневизантийской.

Первой из них является статья Г. Л. Курбатова и Г. Е. Лебедевой

¹ Отв. ред. С. М. Стам. Саратов, 1968. Вып. 1; 1974. Вып. 2; 1975. Вып. 3; 1978. Вып. 4/5.

² См., например, рецензию К. Д. Авдеевой и Л. А. Шаферовой на 2-й вып. сборника — СВ, 1975, 39, с. 236—238.